

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЕВРОПЕЙСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ МОНАРХИЙ

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение ключевых политических и исторических аспектов трансформации монархических систем современных европейских государств.

Парламентская монархия является одной из основных форм правления, представленных в Европейском историческом регионе, и одновременно выступает приоритетным направлением адаптации к современному политическому контексту. Европа обладает обширным опытом монархизма, что делает монархические исследования приоритетными при анализе ряда европейских государств, включая такие страны, как Великое Герцогство Люксембург, Княжества Андорра, Лихтенштейн и Монако, Королевства Бельгия, Дания, Испания, Норвегия и Швеция, Нидерланды и Соединённое Королевство.

Автором прослеживается влияние исторических событий на политические изменения в странах и дальнейшую эволюцию формы правления. На сегодняшний день проблема влияния исторического опыта на развитие систем наследственной власти и актуальное состояние политических институтов представляется недостаточно изученной. С применением исторического, институционального и системного методов автор исследует закономерности эволюции парламентарно-монархических стран Европы, в результате чего приходит к выводу о закономерном и поступательном развитии наследственной государственности в рамках процесса адаптации к изменяющемуся историческому контексту.

Исторические эпохи представляют новые вызовы для систем наследственной власти, в силу чего требуется их изменение и адаптация с целью сохранения государственности и недопущения упразднения монархии. Отмечается влияние хода политико-исторического процесса на современные политические системы европейских государств с наследственной властью. Констатируется наступление эпохи устоявшейся европейской демократии, которая на протяжении XX – XXI вв. выступает одним из ключевых факторов, побуждающим европейские монархии к политическим изменениям в пользу сокращения личной власти суверена в сторону представительских институтов власти.

Подчеркивается, что современные институты монархической компоненты смогли обеспечить текущий уровень политической стабильности в результате аккумуляции эффекта исторических событий, включая отдалённые эпизоды многовековой и тысячелетней давности. Показано, что политическая культура стран и общий исторический опыт напрямую влияют на актуальное состояние монархических институтов.

Результаты исследования могут быть применены при анализе современных политических систем европейских парламентарно-монархических государств, а также в рамках исторических исследований. Таким образом, автор считает доказанной необходимость при проведении политических и исторических исследований государств с наследственной формой правления не только обращаться к современному состоянию, но и принимать во внимание историческую специфику развития государственности. Исторический опыт позволяет не только лучше понять текущее состояние институтов власти, но и использовать при принятии управленческих решений относительно дальнейшего реформирования монархической политической системы.

Ключевые слова: парламентская монархия, институт парламентской монархии, европейская монархия, европейская парламентская монархия, институт монарха, история парламентских монархий, политическая история, исторический процесс, политическая система, политико-исторический процесс

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Кабацкий М.С. Политические аспекты истории государственности европейских парламентских монархий // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 70–80.

© Кабацкий М.С., 2024г.

**POLITICAL ASPECTS OF THE HISTORY OF STATEHOOD
OF EUROPEAN PARLIAMENTARY MONARCHIES**

Abstract. The purpose of the article is to consider the key political and historical aspects of the transformation of the monarchical systems of modern European states.

The parliamentary monarchy is one of the main forms of government represented in the European historical region, and at the same time acts as a priority for adaptation to the modern political context. Europe has extensive experience of monarchism, which makes studying monarchies a priority in the analysis of a number of European states, including countries such as the Grand Duchy of Luxembourg, the Principalities of Andorra, Liechtenstein and Monaco, the Kingdoms of Belgium, Denmark, Spain, Norway and Sweden, the Netherlands and the United Kingdom.

The author studies the influence of historical events on political changes in countries and the further evolution of the form of government. Today the problem of historical experience influence on the development of hereditary power systems and the current state of political institutions seems to be insufficiently studied. Using historical, institutional and systemic methods, the author explores the patterns of evolution of European parliamentary monarchies. The author notes the natural and progressive development of hereditary statehood within the adaptation to a changing historical context.

Historical epochs present new challenges to the hereditary power systems, which require their change and adaptation in order to preserve statehood and prevent the abolition of the monarchy. The influence of the political and historical process over the modern political systems of European states with hereditary power is noted. The onset of the era of well-established European democracy, which during the XX - XXI centuries is one of the key factors encouraging European monarchies to make political changes in favor of reducing the personal power of the sovereign in favor of representative institutions of power.

As a result, the author emphasizes that modern institutions of the monarchical component were able to ensure the current level of political stability as a consequence of the accumulation of the effect of historical events, including remote episodes of centuries and millennia ago. The author shows that the political culture of countries and the general historical experience directly affect the current state of monarchical institutions.

The study results can be applied in the modern political systems analysis of European parliamentary monarchies, as well as in the historical research context. Thus, the author proves that, when conducting political and historical studies of states with a hereditary form of government, it is necessary not only to refer to the current state, but also to take into account the historical specifics of the development of statehood. Historical experience helps to better understand the current state of government institutions, and also use them in making managerial decisions regarding further reform of a monarchical regime.

Keywords: parliamentary monarchy, institute of parliamentary monarchy, European monarchy, European parliamentary monarchy, institute of the Monarch, history of parliamentary monarchies, political history, historical process, political system, political and historical process

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Kabatsky, M.S. (2024) Political Aspects of the History of Statehood of European Parliamentary Monarchies. Journal of Public and Municipal Administration. Volume 13, no. 1, P. 70–80.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие политико-исторического процесса способствует формированию и усложнению государственных систем, что определяет их актуальное состояние [9, С. 37]. Не являясь исключением и системы стран с монархической формой правления. Ряд исследователей [1, 2, 4] считают необходимым обращать внимание на исторические и политические условия в рамках проводимых исследований. Отметим, что, несмотря на хронологическую отдалённость некоторых событий (включая более чем тысячелетние периоды), они обладают высокой актуальностью для понимания текущих характеристик политических институтов государств с наследственной формой правления. В силу этого нам представляется приоритетным рассмотреть ключевые события и аспекты, повлиявшие на становление современных европейских парламентских монархий.

Обоснованным выглядит суждение о том, что монархия как неоднородная компонента не является статичной системой, в силу чего следует констатировать её подверженность политическим изменениям. Наиболее рациональным решением нам видится обнаружение ключевых исторических событий, повлиявших на трансформацию наследственной формы правления в сторону парламентаризма, а позднее – на её адаптацию к современным условиям в рамках демократического транзита. Таким образом, нам необходимо обратиться к историческому опыту таких государств, как Соединённое Королевство, Королевство Испания, монархиям Бенилюкса (Великое Герцогство Люксембург, Королевство Бельгия и Нидерланды) и скандинавским монархиям (Королевства Дания, Норвегия и Швеция). Следовательно, гипотезой исследования выступает предположение о влиянии политических аспектов истории государственности наследственных стран на их современные властные институты. Это суждение обуславливает необходимость анализа исторического опыта – как и недавних событий, так и ключевых случаев отдалённого прошлого.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первую очередь необходимо обратиться к истории Соединённого Королевства. Обоснуем такую оценку тем фактом, что британская монархия традиционно выступает в качестве классического института наследственной власти, который также связан с монархическими государствами Вестминстерской системы. Британская монархия представляется нам сложным и комплексным политико-историческим и политико-культурным явлением, а также особой, древнейшей из ныне существующих европейских разновидностей парламентско-монархической формы правления, чей генезис и развитие прослеживаются с античных времён и продолжаются по сей день. Отметим, что британская монархия испытывает сильное влияние исторического и культурного процессов, условной датой начала отсчёта которых предлагаем считать 410 год – год принятия решения императором Западной Римской империи Гонорием об отзыве войск с территории Британских островов, что послужило одной из ключевых причин падения римской провинции Британия и начала формирования саксонской Британии [3, С. 14], основывающейся на новых принципах, мировоззрении, культуре и ценностях.

Британский политико-исторический процесс выработал особую форму взаимоотношения подданных и власти, согласно которой в общественном сознании закрепилось несколько принципов, продолжающих играть роль в современной британской политической системе, среди которых выделим следующие:

1. Обычай «согласия с властью», позднее обозначающийся в английской правовой и политической мысли как «обычай, существовавший с незапамятных времён» [3, С. 22]. Сущность принципа заключается в договорном характере отношений между подданными и королевской властью, где первые обязуются быть верными и лояльными властям, олдменам и тэнам, обрабатывать землю и нести воинскую повинность, а последние –

защищать жизни и земли своих подданных. Считаем, что принцип, обновлённый в институциональном плане относительно современных реалий, продолжает исправно и эффективно функционировать по сей день.

2. Принцип парламентаризма, сущность которого заключается в наличии представительного совещательного и законодательного органа, обладающего реальной политической властью, способностью ограничивать полномочия монарха. История английского парламентаризма прослеживается с VII века, когда уже существовал Витенагемот (или же Витан) – англосаксонское народное собрание, предшествовавшее появлению английского парламента. С развитием англосаксонской государственности продолжал развиваться и орган власти, который в 1014 году призвал Этельреда II Неразумного вернуться в Англию и снова стать королём, что является примером призвания короля законодательным органом власти [3, С. 38].

3. Политическая философия британского стоицизма, достигшая своего пика к XIX веку – в Викторианскую эпоху, заключающаяся в особом, характерном для британской культуры (включая политическую) умеренном, взвешенном, рациональном, спокойном, терпеливом и мудром подходе к жизни и, как следствие, к политическому аспекту её существования. Эти мировоззренческие принципы отчётливо раскрываются в произведениях британских литераторов, среди которых особо отметим Р. Киплинга и его стихотворение «Если...». Следствием обстоятельства для политической системы считаем крайне высокую стабильность, отсутствие радикальной политической агрессии при сохранении повышенной политической сознательности, подкрепление политических действий культурными и литературными аллюзиями.

Таким образом, считаем, что у наследственной власти Соединённого Королевства имеются убедительные исторические основания для сохранения и дальнейшей эволюции монархической формы правления. Суждение подкрепим кратким опытом республиканизма

(1649–1660 гг.), который привёл к оформлению диктаторского режима протектората О. Кромвеля, оказавшегося несовместимым ни с политическими ценностями Соединённого Королевства, ни с её политической системой. Следовательно, антимонархическая компонента не обладает обширным историческим опытом функционирования, способным оказывать влияние на текущие государственные процессы.

Довольно контрастной на фоне сравнения с британской монархией нам представляется испанская монархия [5, С. 72]. Предпосылки формирования устойчивого парламентаризма в иберийских государствах, позднее составивших основу испанского государства, прослеживаем с Высокого Средневековья (советы 1187–1188 гг. в Кастилии, Леонские Кортесы 1188 г., Каталонские суды 1283 г.), что позволяет нам рассматривать Иберийский регион в качестве одного из первых мест развития парламентских структур в средневековой Европе после Англии. Однако, в отличие от британской монархии, которая на протяжении всей своей истории имела короткий республиканский период (1649–1660 гг.), Королевство Испания в конце XIX века утратило свою монархическую власть, преобразовавшись в результате революционных процессов в Первую Испанскую Республику (1873–1874 гг.). Причины столь серьёзной политической трансформации прослеживаем ещё с начала XVII века, начиная с постепенной утраты Испанией влияния на международной арене. Системная утрата территорий и военные конфликты, включая Войну за испанское наследство (1701–1714 гг.) и Пиренейские войны (1807–1814 гг.), постоянные англо-испанские и испано-португальские войны, а также национальные движения в Новом Свете и колониях привели к истощению и ослаблению государственной системы и, как следствие, к ослаблению монархической власти.

После реставрации Бурбонов (1874 год) в Испании была восстановлена монархия, близкая по природе к полупарламентской, однако в 1923 году власть премьер-министра

генерала Примо де Риверы, сосредоточившего в руках большую часть политических полномочий в стране, стала сопоставимой с абсолютной, включая в том или ином виде королевские полномочия, которые принадлежали Альфонсо XIII. Следствием концентрации такого уровня власти стало формирование диктатуры, которую косвенно рассматриваем в качестве предтечи фалангистского режима. Альфонсо XIII оказал поддержку режиму Риверы, отказавшись от активного участия в политической жизни страны, что оттолкнуло большинство монархистов и вызвало ещё большее недовольство наследственным правлением в стране. Считаем, что это послужило одной из ключевых причин поражения монархии на плебисците 1930 года, по результатам которого была провозглашена Вторая Испанская Республика (1931–1939 гг.).

Отметим, что рассмотренные нами выше исторические события свидетельствуют в пользу наличия системных рисков для наследственной власти в современном испанском государстве. Несмотря на реставрацию монархии и воцарение Хуана Карлоса I в 1975 году аккумулированные на протяжении первой половины XX века республиканские настроения трансформировались в системно оформленную испанскую антимонархическую компоненту, что подтверждается наличием партий республиканской направленности в Генеральных Кортесах. К таким движениям относим одну из ключевых партий государства – Испанскую социалистическую рабочую партию. Считаем, что с накоплением исторического опыта реставрированного монархизма на протяжении XXI века республиканские риски постепенно будут нивелироваться, однако допустимым сценарием остаются возможные попытки упразднения монархии при неблагоприятном политическом прогнозе.

Монархии стран Бенилюкса (Великое Герцогство Люксембург, Королевство Бельгия и Нидерланды) обладают в значительной мере взаимосвязанной историей, в которой прослеживаются общие культурные, политические и экономические начала. До обретения

своей собственной государственности (Нидерланды – в 1581 году, Великое Герцогство Люксембург – в 1815 году, Королевство Бельгия – в 1830 году), а также некоторое время после (Великое Герцогство Люксембург являлось коронным владением короля Нидерландов Виллема I) страны группы в том или ином виде имели общее многовековое государственные черты. Большая часть территорий Бенилюкса входила в состав иностранных государств, осуществлявших унифицированное управление территориями: Бургундские Нидерланды (1384–1482 гг.), Габсбургские Нидерланды (1482–1581 гг.), Испанские Нидерланды (1581–1795 гг.), Австрийские Нидерланды (1714–1797 гг.), Первая Французская империя (1810–1815 гг.). Отметим, что обозначение «Нидерланды» использовалось не как омонимичное название государства, а в качестве территориального обозначения, переводящегося как «Нижние земли», которые в разные исторические периоды прямо или косвенно включали территории всех государств Бенилюкса. В силу этого монархии стран группы можем также обозначать как монархии стран Нижних земель.

Полагаем, что иностранное правление территориями способствовало выработке общих институциональных характеристик стран, что оказало влияние на их политическую культуру и систему, а также на культуру в целом, способствовало объединению Нижних земель, в итоге выработав особые модели схождения и интеграции, несмотря на культурные, этнические и религиозные различия.

Считаем, что основы суверенной монархической власти в Нидерландах были заложены во времена Республики Соединённых Провинций (1581–1795 гг.). Несмотря на то что государство имело республиканскую форму правления, на протяжении всего времени независимого существования Провинций должность статхаудера (главы государства) всегда занимали представители Оранской династии, а на гербе государства была изображена корона, что позволяет нам говорить о характере мнимого республиканизма

Соединённых Провинций и рассматривать их в качестве протомонархического и криптомонархического нидерландского государства.

Более ранний период времён Республики Соединённых Провинций характеризовался противостоянием между статхаудерами и пенсионариями, в котором последние придерживались более выраженной республиканской позиции, что привело к двум периодам упразднения должности статхаудера (1650–1672 и 1702–1747 гг.), которые возникли после ненасильственной смерти действующих статхаудеров и позднее восстанавливались.

Объединённое Королевство Нидерландов (1815–1839 гг.) во главе с монархом Виллемом I из Оранской династии было образовано по результатам Венского конгресса и полностью включало территории Бенилюкса, при этом территории современных Бельгии и Нидерландов были объединены в единое государство, а Люксембург объявлен Великим Герцогством и личным владением правителя. В 1830 году Королевство Бельгия объявило о своей независимости от Нидерландов, которая окончательно была признана в 1839 году по результатам Лондонского договора (включая Нидерланды). В 1890 году со смертью Вильгельма III распалась личная уния Нидерландов и Люксембурга, поскольку законы престолонаследия последнего не признавали салического права, а Вильгельм III не имел наследников мужского пола. Монархом Великого Герцогства Люксембург стал Адольф Нассау-Люксембургский из дома Нассау, младшей ветвью которого является Оранская династия. Считаем доказанным, что до 1830 (1839 г.) и 1890 гг. страны Бенилюкса имели ярко выраженную общую государственность, что оказывает существенное влияние на институциональные, политические, системные и культурные особенности современных трёх государств.

Подчеркнём, что исторический опыт нидерландского королевства свидетельствует в пользу недостаточной выраженности антимонархической компоненты, что, в свою оче-

редь, снижает политические риски для наследственной государственности. Такую оценку подкрепим недостаточной представленностью движений республиканской направленности в законодательных органах власти Нидерландов. Таким образом, исторический опыт указывает на наличие тенденции сохранения монархической власти посредством её адаптации к условиям современного политического процесса.

В бельгийском историческом процессе имеются дихотомические противоречия, вызванные конфликтным сосуществованием двух основных регионов федерации – Фландрии и Валлонии. Констатируем, что на протяжении истории области были населены разными этническими и религиозными группами, в силу чего противоречия между ними и борьба за федеральную власть в государстве принуждают монархическую власть реагировать на развивающиеся события должным образом. Отметим, что на данный момент времени король Бельгии Филипп эффективно осуществляет монархическую власть в государстве, включая разрешение споров между регионами федерации. Подкрепим такую оценку ролью правителя в урегулировании политического кризиса 2007–2011 гг., а также назначением парламентских выборов в 2014 году, после которых, несмотря на победу партий националистической и сепаратистской направленности, не было предпринято фактических попыток ни выхода регионов из состава федерации, ни ослабления монархической власти в государстве.

Отметим, что в Великом Герцогстве Люксембург существовал непродолжительный период, когда монархическая форма правления могла быть утрачена: во время революционных событий 1919 года антимонархической организацией «Комитет общественного спасения» была предпринята попытка захвата власти и провозглашения республики, предотвращённая вооружёнными силами Франции. Результатом восстания стал референдум 1919 года о форме правления и внешнеэкономической политике, на котором

подавляющее большинство люксембуржцев высказалось за сохранение монархической формы правления (проголосовавших за провозглашение республики было менее 20 %) [10, С. 1244]. Монархическая форма правления в государстве была сохранена, и после этого не существовало значимых политических конфликтов или общественных дискуссий, по результатам которых вопрос о республиканской форме правления мог быть повторно поднят. В вопросе об ориентации во внешне-экономической политике (между Королевством Бельгией и Францией) около 73 % высказалось в пользу Франции [10, С. 1252], что позволяет говорить о некоторых сложностях интеграции Великого Герцогства Люксембург в Бенилюкс и его потенциальном дистанцировании. Однако укажем, что Бенилюкс был создан позднее, в 1944 году, и результаты данного референдума считаем утратившими актуальность при определении внешнеэкономических приоритетов Великого Герцогства, а помощь Франции в предотвращении восстания считаем источником кратковременного общественного одобрения и политической симпатии, способствовавшими повышению процента проголосовавших в её пользу.

В люксембургской политической практике имеется случай вынужденного отречения, когда Мария-Аделаида (1912–1919 гг.) была вынуждена отречься от престола после консультации с премьер-министром и по требованию парламента. Причиной такого политического решения послужило немецкое происхождение великой герцогини, крайне непопулярное в обществе после начала Великой войны (1914–1918 гг.), что подрывало политическое единство в государстве.

Считаем рассмотренные случаи из исторического опыта люксембургской государственности актуальными для современной политической действительности страны. Принимая во внимание практическую возможность законодательного органа лишить верховной власти наследного правителя, резюмируем, что текущие противоречия между великим герцогом Анри и парламентом (легализация эвтаназии в

2008 году и публикация отчёта Варинго в 2020 году) обнаруживают общие начала развития сходного конфликтного политического сценария. Таким образом, предлагаем уделить особое внимание поиску сценария конвергенции монархической и законодательной власти с учётом описанного выше исторического опыта.

Скандинавские монархии, позднее ставшие суверенными странами, начали формировать общую государственность начиная с VIII – IX вв., достигнув особого государственного прогресса в эпоху викингов (793–1066 гг.). К одним из первых скандинавских правителей, объединившим большую часть скандинавских королевств, относим Кнуда Великого (1016–1035 гг.), ставшего королём Англии, Дании и Норвегии. Дополним, что его владения также включали и территории, которые позднее вошли в состав Швеции. Подчеркнём, что викинги оказывали значительное влияние на формирование английской государственности на протяжении нескольких веков до нормандского вторжения (865–1066 гг.), а норманны имели скандинавское происхождение. Следовательно, скандинавские монархии являются одними из древнейших в современной Европе наравне с Соединённым Королевством.

В результате развития государственного устройства и становления норвежской и шведской политических систем, необходимости в совместной деятельности по защите от потенциальной военной немецкой угрозы и экономической экспансии была сформирована Кальмарская уния (1397–1523 гг.) во главе с датским королём, также ставшим монархом норвежской и шведской корон. Принцип униатского устройства политических систем трёх стран предусматривал широкую автономию и самостоятельность личных уний и местного дворянства при сохранении за Королевством Дания верховенства суверенитета над территориями со всеми соответствующими взаимными обязательствами. Констатируем, что униатский тип устройства также был представлен в скандинавской истории на протя-

жении значительных исторических периодов (Датско-норвежская уния 1536–1814 гг. и Шведско-норвежская уния 1814–1905 гг.), что позволяет нам говорить не только о типичном для скандинавских стран унитарном характере политического устройства, но и о богатом опыте совместной государственности и функционирования управленческих институтов, единых истоках политической культуры.

Исторический опыт Дании считаем объединяющим скандинавские государства, поскольку верховенство Копенгагена над соседними странами, входившими в её унию, привели к схожему развитию институтов монархической власти в этих государствах. Отметим, что наибольшей политической субъектностью на данный момент времени из рассматриваемых трёх стран обладает датский правитель. Наблюдение можем подтвердить публичной критикой миграционной ситуации в стране (2015 год), что способствовало победе на выборах в законодательный орган власти правых политических сил, скептически настроенных по отношению к незаконной миграции.

Примечательно, что династия Бернадотов происходит от маршала Наполеона Жан-Батиста Жюль Бернадота (1763–1844 гг.), впоследствии ставшего первым королём Швеции (от Бернадотов) в качестве Карла XIV Юхана, ранее участвовавшего в революционных французских событиях антимонархической и республиканской направленности, не имея при этом дворянского происхождения. Однако Карл XIV получил власть после того, как был назван преемником предыдущим шведским монархом Карлом XIII и избран риксдагом, что обеспечило политическую легитимность династии, несмотря на неоднозначное для монархической природы государства республиканское прошлое Бернадота. Поскольку династия Бернадотов правит Королевством Швеция с 1810 года, стоит также говорить и о её исторической легитимности в силу успешной интеграции в шведскую политическую систему и систему королевского правления, не вызывающего политических

кризисов антимонархической направленности, в силу чего династию Бернадотов предлагаем считать легитимной и устоявшейся правящей династией.

Шведский исторический опыт примечателен тем, что привёл к становлению парламентской монархии с самыми ограниченными полномочиями среди наследственных государств Европы: полномочия короля практически полностью сведены к церемониальным функциям, он не возглавляет правительство. Считаем сохранение шведской монархии в символическом варианте следствием достигнутого в 1971 году Торековского компромисса. Историческое событие относим к политическим решениям, обладающим силой и по сей день – ряд парламентских партий, включая левые и либеральные, считают необходимым сохранять текущую монархию, что является нехарактерным для других европейских государств.

Рассмотренные выше исторические обстоятельства свидетельствуют в пользу закрепления наследственной государственности норвежского королевства в XXI веке, однако подчеркнём, что на данный момент времени предпринимаются попытки «мягкого» ограничения монархической власти в государстве посредством сокращения политических полномочий правителя, выдвижения законодательных инициатив упразднения монархии (2012, 2016 и 2019 гг.). Оцениваем вероятность фактического лишения главы государства властных полномочий скептически, поскольку ряд бывших прав монарха носил церемониальный характер, а сторонники республики во время голосований в Стортинге об упразднении монархии не набирали более 20 % голосов, чего явно недостаточно для принятия законопроекта.

Следует упомянуть, что монархии микрогосударств, не считая Великого Герцогства Люксембург (Княжества Андорра, Монако и Лихтенштейн), требуют отдельного, углублённого исследования. Однако отметим, что историческая память государств группы обладает малым числом случаев конфликтов

между наследственной властью и законодательным органом. Прямым следствием такого развития событий видим наличие более сильной княжеской власти, включающей не только политические, но и административные функции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведённые политические и исторические аспекты европейских монархических государств свидетельствуют об общих началах наследственной власти и позволяют проследить трансформацию и эволюцию государственных институтов. Существует проблема нивелирования исторического опыта при проведении политических исследований, когда рассматривается исключительно актуальное состояние государственных институтов и систем. Считаем такой подход недостаточным и требующим углубленного применения исторического метода. Суждение подкрепим тем фактом, что актуальное положение исследуемых систем является прямым следствием аккумуляции событий исторического опыта политической направленности и, таким образом, сходные паттерны политического поведения, а также сценарии развития и урегулирования конфликтов необходимо искать в числе прочего и в историческом опыте. Разработку рекомендаций управленческого характера на основании исторического анализа считаем приоритетным направлением для сохранения и укрепления наследственной власти в рассмотренных нами государствах.

Заключим, что монархическая государственность является результатом развития тысячелетнего опыта формирования властных отношений. Это обстоятельство придаёт политическую устойчивость государственным институтам, однако трансформации политической культуры обуславливают изменение исторического контекста, в силу чего монархическая власть сталкивается с прямыми угрозами ревизии статуса наследственного правителя в государстве. Отметим, что такие сценарии могут развиваться как по благоприятному для главы государства сценарию (пе-

реход к парламентской монархии, что подтвердим европейским историческим опытом), так и неблагоприятному, вплоть до провозглашения республики.

События XX века оказались серьёзным вызовом для монархической власти: наследственное правление было утрачено в десятках европейских государств (в том числе из-за прямого влияния Первой и Второй мировых войн). Лишь в одной европейской стране (Королевство Испания) был восстановлен престол. Отметим, что успешная адаптация к современному политическому процессу с учётом накопленного исторического опыта позволяет не только сохранить монархическую государственность, но и способствовать дезэскалации в обществе и развитию политической системы в целом.

Игнорирование исторического опыта при разработке и принятии политических решений отнесём к необоснованным рискам, которые могут активизировать антимонархическую компоненту, что повлечёт принятие активных действий политического характера. Неграмотное администрирование политических процессов, сопряжённых с монархической властью, может являться прямым следствием непонимания исторических закономерностей, которые могут быть определены при соответствующем анализе.

Таким образом, считаем необходимым обращать внимание на политико-исторические особенности при изучении и анализировании государств Европы с наследственной властью в XXI веке, что успешно применяется в ряде некоторых [6, 7, 8] исследований.

Библиография / References:

1. Басиев М.С. Испанский опыт регионализма // Федерализм и регионализм: приоритеты XXI века. – 2007. – С. 158–180.
2. Величко А.М. «Византийские» полномочия западных императоров и королей / А.М. Величко // Юридическая мысль. – 2011. – № 5 (67). – С. 71–92. – EDN ONZJOJ.
3. Дженкинс С. Краткая история Англии.

Серия: Города и люди / в переводе И. Мельницкая, в ред. А. Кальниченко, А. Райская. – М.: КоЛибри, 2022. – 416 с. ISBN: 978-5-389-07036-3

4. Долиновский С.Л. Становление и развитие парламентской монархии в Великобритании / С.Л. Долиновский // История государства и права. – 2008. – № 17. – С. 35–37. – EDN JSHZUF.

5. Кабацкий М.С. Исторический и современный опыт развития института европейских парламентских монархий / М. С. Кабацкий // Вестник государственного и муниципального управления. – 2021. – Т. 10, № 1 (39). – С. 69–75. – DOI 10.22394/2225-8272-2021-10-1-69-75. – EDN AUBFZB.

6. Миронова Е.А. Монархия как форма правления в Великобритании: история и перспективы развития / Е. А. Миронова // Вестник науки и образования. – 2016. – № 7 (19). – С. 76–78. – EDN RTWSCT.

7. Позняк, О. С. Провозглашение королевства Исландия на страницах исландских газет / О.С. Позняк, В.А. Райкова // Метаморфозы истории. – 2014. – № 5. – С. 286–301. – EDN RBJROM.

8. Цатурова С. К. Возникновение современного европейского государства: средневековые истоки (опыт французской монархии) / С.К. Цатурова // Новая и новейшая история. – 2016. – № 6. – С. 3–16. – EDN XHFYTB.

9. Цыбаков, Д.Л., Кабацкий, М.С. История развития института парламентских монархий в европейских государствах в XX в. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – Т. 11. – № 4. – С. 36–43.

10. Nohlen D., Stöver P. Elections in Europe: A data handbook. – Baden-Baden: Nomos, 2010. – 2070 p.

11. Леонова, О. В. Теоретический концепт развития в практиках социально-экономической политики: федеральный и региональный уровень / О. В. Леонова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 88–113. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-2-88-113. – EDN WWLDCA.

12. Назаренко, А. В. Сеть отношений как новая связанность мира и её новое политическое прочтение / А. В. Назаренко // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 15–30. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-4-15-30. – EDN BXFYCY.

13. Огнева, В. В. Региональный фактор национальной безопасности в контексте результативной реализации национальных целей развития в Российской Федерации / В. В. Огнева, Т. С. Болховитина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 120–133. – DOI 10.22394/2071-2367-2022-17-1-120-133. – EDN LMZIQK.

14. Федотов, С. П. История второго периода деятельности содружества святого Албания и Преподобного Сергия в Англии / С.П.Федотов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 106–112. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-2-106-112. – EDN QOAZKX.

1. Basiyev M.S. Ispanskiy opyt regionalizma [Spanish experience of regionalism] // Federalizm i regionalizm: priority XXI veka. – 2007. – S. 158–180. (In Russ.).

2. Velichko A.M. «Vizantiyskiye» polnomochiya zapadnykh imperatorov i koroley [«Byzantine» powers of Western emperors and kings] / A.M. Velichko // Yuridicheskaya mysl'. – 2011. – №5 (67). – S. 71–92. – EDN ONZJOJ. (In Russ.).

3. Dzhenkins S. Kratkaya istoriya Anglii. Seriya: Goroda i lyudi [A Brief History of England. Series: Cities and people] / v perev. I. Mel'nikskaya, v red. A. Kal'nichenko, A. Rayskaya. – M.: Izdatel'stvo: KoLibri, 2022. – 416 s. ISBN: 978-5-389-07036-3. (In Russ.).

4. Dolinovsky S.L. Stanovleniye i razvitiye parlamentskoy monarkhii v Velikobritanii [Formation and development of the parliamentary monarchy in Great Britain] / S.L. Dolinovsky // Istoriya gosudarstva i prava. – 2008. – № 17. – S. 35–37. – EDN JSHZUF. (In Russ.).

5. Kabatskiy M.S. Istoricheskiy i sovremennyy opyt razvitiya instituta yevropeyskikh parlamentskikh monarkhiy [Historical and modern experience in the development of the institution

- of European parliamentary monarchies] / M.S. Kabatskiy // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2021. – T. 10, № 1 (39). – S. 69–75. – DOI 10.22394/2225-8272-2021-10-1-69-75. – EDN AUBFZB. (In Russ.).
6. Mironova E.A. Monarkhiya kak forma pravleniya v Velikobritanii: istoriya i perspektivy razvitiya [Monarchy as a form of government in Great Britain: history and development prospects] / E.A. Mironova // Vestnik nauki i obrazovaniya. – 2016. – № 7 (19). – S. 76–78. – EDN RTWSCT. (In Russ.).
7. Poznyak O.S. Provozglasheniye korolevstva Islandiya na stranitsakh islandskikh gazet [Proclamation of the Kingdom of Iceland on the pages of Icelandic newspapers] / O.S. Poznyak, V.A. Raykova // Metamorfozy istorii. – 2014. – № 5. – S. 286–301. – EDN RBJROM. (In Russ.).
8. Tsaturova S.K. Vozniknoveniye sovremennogo yevropeyskogo gosudarstva: srednevekovyye istoki (opyt frantsuzskoy monarkhii) [The emergence of a modern European state: medieval origins (the experience of the French monarchy)] / S.K. Tsaturova // Novaya i noveyshaya istoriya. – 2016. – № 6. – S. 3–16. – EDN XHFYTB. (In Russ.).
9. Tsybakov D.L., Kabatskiy M.S. Istoriya razvitiya instituta parlamentskikh monarkhiy v yevropeyskikh gosudarstvakh v KHKH v. [The history of the development of the institution of parliamentary monarchies in European states in the twentieth century] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2022. – T. 11. – № 4. – S. 36–43. (In Russ.).
10. Nohlen D., Stöver P. Elections in Europe: A data handbook. – Baden-Baden: Nomos, 2010. – 2070 p. (In Engl.).
11. Leonova, O. V. Teoreticheskiy kontsept razvitiya v praktikakh sotsial'no-ekonomicheskoy politiki: federal'nyy i regional'nyy uroven' / O. V. Leonova // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2023. – T. 18, № 2. – S. 88–113. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-2-88-113. – EDN WWLDCA. (In Russ.).
12. Nazarenko, A. V. Set' otnosheniy kak no-
vaya svyazannost' mira i yeyo novoye politicheskoye prochteniyе / A. V. Nazarenko // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2023. – T. 18, № 4. – S. 15–30. – DOI 10.22394/2071-2367-2023-18-4-15-30. – EDN BXFYCY. (In Russ.).
13. Ogneva, V. V. Regional'nyy faktor natsional'noy bezopasnosti v kontekste rezul'tativnoy realizatsii natsional'nykh tseley razvitiya v Rossiyskoy Federatsii / V. V. Ogneva, T. S. Bolkhovitina // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2022. – T. 17, № 1. – S. 120–133. – DOI 10.22394/2071-2367-2022-17-1-120-133. – EDN LMZIQK. (In Russ.).
14. Fedotov, S. P. Istoriya vtorogo perioda deya-tel'nosti sodruzhestva svyatogo Albaniya i Prepodobnogo Sergiya v Anglii / S.P.Fedotov // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'no-go upravleniya. – 2023. – T. 12, № 2. – S. 106–112. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-2-106-112. – EDN QOAZKX. (In Russ.).

Информация об авторе:

КАБАЦКИЙ Максим Сергеевич, старший преподаватель, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12, e-mail: mkabatsky@mail.ru, SPIN-код: 8927-9049, AuthorID: 1101500, ORCID 0000-0003-4659-1304

Author:

KABATSKY M.S., Senior lecturer, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, (Russian Federation, Orel), e-mail: mkabatsky@mail.ru, SPIN code: 8927-9049, AuthorID: 1101500, ORCID 0000-0003-4659-1304

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 10.09.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 23.11.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.02.2024.